

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ И ОЛЬГА АРСЕНЬЕВНА МАЛЫГИНЫ

Иван Николаевич Малыгин родился 2 апреля 1892 г. в семье сестрорецкого рабочего Николая Георгиевича Малыгина.

Дед Георгий был женат на Шабалиной Марии Николаевне из села Кулебянское Нижегородской губернии. Мария Николаевна рано овдовела, оставшись одна с тремя детьми на руках - Надеждой, Николаем и Григорием. Николай Георгиевич так же, как и отец, свою трудовую деятельность связал с оружейным заводом. Он пользовался большим уважением горожан и был избран ими старостой г. Сестрорецка, и оставался в этом звании до революционных событий 1917 г. Николай Георгиевич был женат на сестроречанке Ляпкиной Марии Николаевне и, хотя брак их не был очень счастливым, они нажили десять детей: Иван, Сергей, Евгения, Александра, Мария, Валентина, Антонина, Николай, Лидия и один ребенок умер во младенчестве.

Иван Николаевич в 17 лет (1909 г.) закончил с отличием полный трехлетний курс ремесленной оружейной школы и с 1 сентября был принят на Сестрорецкий оружейный завод токарем-лекальщиком. Его жизнь не замкнулась только на работе, не остановилась на достигнутом. Молодой рабочий продолжал самостоятельно учиться, учился у старых мастеров, совершенствуя свою квалификацию, занимался самообразованием, принимал участие в культурной жизни Сестрорецка. В это время складывался новый класс - рабочая интеллигенция. При заводе существовал «Читальный клуб», где для рабочих была собрана большая и хорошая библиотека, организованы кружки по интересам, оркестр народных инструментов, футбольная команда, создан народный театр. Участвуя в постановках, Иван Николаевич познакомился со своей будущей женой Ольгой Арсеньевной Устиновой, которая играла почти все ведущие роли в спектаклях Островского, что ставились на любительской сцене.

Летом 1918 года Сестрорецкий завод эвакуировался на Урал. Ольга Арсеньевна, как старшая, организовала отъезд семьи. Кроме своих двоих детей она под свою опеку взяла мать и отца, уже пенсионера, своих сестер - Марию, Серафиму, Лидию и Антонину с маленькими дочерьми Верой и Зоей, брата своей матери Самсона Константиновича, тоже пенсионера. Муж сестры Антонины, Михаил Иванов, так же, как Иван Николаевич, воевал с Колчаком. При возвращении с фронта погиб, сгорев в подоженном составе

Эшелон с оружейным заводом направлялся в г. Челябинск. Рабочие оставляли свои семьи в близлежащих деревнях и поселках, чтобы им было легче прожить. Ольга Арсеньевна со всем своим большим семейством высиделись на железнодорожной станции Верещагино и поселились в деревне с таким же названием. Она стала работать в школе, учила детей грамоте, арифметике, организовала в деревне клуб с любительским театром, обшивала деревенских женщин. Энергичная, молодая красивая женщина полюбила местных жителей, сельчане относились к ней с уважением, женщины шли к Арсеньевне за советом. Вскоре подросла сестра Мария и стала помогать Ольге в школе. В 1919 г. Мария вышла замуж за Селезнева Алексея Михайловича из старинной уральской купеческой фамилии Носковых.

1920 год приносит еще одно испытание – на Урал приходит эпидемия тифа. Умирает отец Арсений Васильевич, уехавший работать на завод в Челябинск, умирает в больнице сестра Антонина. Переболели тифом все, ухаживая друг за другом, деревенские носили в дом воду и дрова. Дети Лидия и Костя выжили только благодаря тому, что мать, сама больная, продолжала кормить их грудным молоком.

В начале 1921 года в Верещагино две недели стояла возвращающаяся с фронта часть, в которой служил Иван Николаевич. Наконец встретились два любящих друг друга человека, сумевших пронести свое драгоценное чувство через годы лишений и трудностей, через пламя военных лет. За это время любовь Ивана и Ольги еще больше окрепла, они не потеряли желания жить и любить, стремления принести радость и красоту окружающим им людям.

Даже за этот короткий срок муж и жена успели поставить новый спектакль в деревне.

Летом 1921 года Ольга Арсеньевна, уже в положении, совершила поездку в Питер в Разлив, чтобы посмотреть, сохранился ли дом, в который можно было бы приехать с Урала. Только убедившись в сохранности родительского дома, она забрала всю семью и вернулась на родину.

Возвращается с фронта и Иван Николаевич. Сестрорецкий Совет дает ему старый дом в Белоострове, где и родилась его вторая дочь Нина 29 декабря 1921 года. Но ни у Ивана Николаевича, ни у Ольги Арсеньевны сердце не лежало к этим местам, к этому дому и им дают участок под строительство нового, своего дома в Курорте на Ермоловском проспекте. С началом строительства вновь начались годы нужды; все силы и средства, все свободное время вкладывались в новый дом, дом их мечты и надежд.

Иван Николаевич продолжал работать на Сестрорецком заводе токарем-лекальщиком до 26 июня 1928 года. Как и прежде, работал он творчески, постоянно совершенствуясь в своей профессии, и был направлен на Ленинградский завод «Двигатель» как лучший специалист по обмену опытом. На «Двигателе» рабочие называли его «царь-токарем» за высокую квалификацию и стремление передать свое умение молодым.

С 1929 года Иван Николаевич состоял консультантом журнала «Наука и техника» по вопросам холодной обработки металлов и был членом редакционного совета журнала. Он являлся одним из первых рабочих авторов технической книги по Ленинграду и Москве. С 1930 по 1932 годы им были написаны и изданы книги по специальности: «Практика нарезания точной резьбы», «Токарь-лекальщик», «Изготовление дисковых резьбовых резцов», «Как пользоваться предельными калибрами», «Изготовление метчиков». В эти годы он был членом рабочего редсовета при ЛенГИЗе, а затем при ЛОНТИ (Ленинградское отделение научно-технической информации).

В предисловии к своей книге «Токарь-лекальщик» Иван Николаевич пишет: «...Я стремился возможно яснее чисто рабочим языком изложить са-

мое существенное из области этой специальности. Надеюсь, что сообщенные мною сведения окажутся полезными для подрастающего поколения рабочих и будут способствовать повышению их квалификации».

Из предисловия к книге «Практика нарезания точной резьбы»: «Лица, занятые лекально-резьбовыми работами, должны иметь известную производственную выдержку, т. е. спокойный, выработанный характер лекальщика, позволяющий хладнокровно и терпеливо подходить к исполнению работы и спокойно смотреть на возможные неудачи, стараясь их терпеливо исправить».

Иван Николаевич сам обладал этими чертами характера.

1932 год круто изменил жизнь всей семьи. В ночь на 5 ноября по ложному доносу Ивана Николаевича арестовали. Сразу после ареста он находился в городской тюрьме в «Крестах». Ольга Арсеньевна чуть ли не каждый день ходила к следователю, пытаясь узнать, в чем обвиняют мужа. Наконец, обвинение было предъявлено; оно состояло из нескольких пунктов, каждый из которых настолько абсурден, что совершенно очевидна была предвзятость во всем этом деле.

Иван Николаевич обвинялся в том, что построил дом на берегу Финского залива с целью поддержать связь с Финляндией, в том, что мало распространял свои опыт и знания среди рабочих (при его-то работе с молодыми, при том, что он столько печатал своих трудов), в том, что не выступил за снос церкви Анны Кашинской в Ленинграде на Сампсониевском пр., недостаточно подписался на государственный заем («всего» на 100%, как все, а не больше), припомнили и отца, старосту Сестрорецка в дореволюционное время, забыв, что эта должность была выборной (да и к самому Николаю Георгиевичу никаких обвинений не предъявляли, он жил и работал в Ленинграде).

Настоящей причиной ареста, как позже стало известно, был ложный донос «товарища» по работе, который завидовал всему образу жизни семьи Малыгиных. И последней каплей в этом кубке с ядом явилось то,

что именно Иван Николаевич занимался закупкой современного иностранного оборудования для завода и в октябре 1932 г. оформлял с этой целью документы для поездки в Америку.

В результате всех этих обвинений Иван Николаевич был осужден на пять лет и выслан в лагерь в Карелию. Вот его горькие воспоминания, записанные им в заключении:

Ища свободы гражданина
И не желая быть рабом,
Терял я счастье семьянина
И получил арестный дом.
Собрав тома несуществующих грехов,
Общественность мне высылку выносит.
Не ведала история таких судов,
Невинный где виновного страданья переносит.
И вот! За образ мысли таковой
Я, как опасный элемент,
Рабочий опытный, передовой,
Был выслан с Родины в момент
В дорогу дальнюю. Холодною порой
Посажен был в вагон «телячий»,
Набитый разною шпаной,
Где грязь и запах был смердящий.
Везли, как грязных поросят,
Кормя через железную решетку.
Три типа в памяти стоят,
Что рвали на куски селедку.
Воды по кружечке в денек
С трудом мы получали;
Свечей горел тоскливо огонек;

На стыках рельс колеса все стучали.
Кругом царила рыночная брань,
В карманах шарили, съедобное собирая,
Как червяки. Ночной порой обшивевшая рвань
Друг через друга лазала стоняя.
И, вот, как будто остановка,
Крик часовых, свистки кондукторов.
По-видимому, здесь зимовка,
Среди глухих Карелии лесов.
Открылась дверь, вошел стрелок,
Всех сосчитал поодиночке;
Дал паровоз прощально-жалостный свисток.
Слышна команда: «Стройся на мосточке!»
И в окруженье часовых
Повыходили «эмигранты».
Здесь много старых, молодых,
Есть оборванцы, есть и франты.
Построили нас по два в ряд,
Опять всех сосчитали,
И громко заключенным говорят,
Чтоб слышали и знали:
Отклонение в пути
Попыткою к побегу мы считаем !
Вперед! И ровно всем идти,
Иначе, без предупреждения стреляем!
И двинулась вперед, с трудом переступая,
Людская рать, волной переливаясь:
И юноши, и старики, и публика блатная,
И женщины, слезами заливаясь.
Шли долго по лесным тропам,

Где зверь веками жил.
Меж сосен вековых, трясин, по мхам
Наш путь местами проходил.
И, наконец, к зимовкам подошли,
Постройки каторжан мы увидали,
К воротам лагеря нас подвели
И вновь - по четверо пересчитали.

Старшей дочери Лидии в это время было пятнадцать лет, а младшей – Нине – десять. Начались страдания семьи. Ольгу Арсеньевну не принимали на работу как жену врага народа. В эти годы была еще карточная система на продукты питания, и семья осталась без карточек, без хлеба. Выживали только благодаря состраданию со стороны родных и знакомых, которые не отвернулись от опальной семьи, и помогали, чем могли. В 1933 году по совету знакомых дети обратились в Секретариат Наркомпроса с просьбой об оказании им помощи. Только после этого Ольге Арсеньевне дали возможность работать.

В довершение всех бед Ольгу Арсеньевну вынудили продать дом, с которым была связана вся ее совместная жизнь с Иваном Николаевичем, построенный собственными руками на собственные сбережения. Представитель ОГПУ угрожал конфискацией и высылкой семьи, и она была вынуждена согласиться, получив за дом ничтожно малую сумму 7 321 руб. при его официальной оценке в 432 200 руб. Конечно, эти деньги помогли семье на какое-то время, но потеря родного дома была не сравнима ни с чем. Мать с детьми переселились во временный маленький домик на этом же участке.

Иван Николаевич, отбывая свой срок в Карелии, не был лишен права переписки и свиданий с женой. Его дорогая Леля по возможности навещала мужа и первое, что везла ему, это побольше бумаги и толстые тетради для рукописей и писем. В каждом письме мужа - беспокойство за жену и детей,

радость отца за успехи ребят в школе, для него это утешение в его одиночестве. Вот последние слова из письма жене 27.07. 1933г.: «...Пусть ребяташки пишут мне письма каждый раз. Остаюсь тоской томимый среди Карелии лесов. Твой Ваня.»

А это строки «Подруге жизни», написанные Иваном Николаевичем 24 июля 1933 г.

Помнишь ли ты те далекие годы,
Когда юношей был я, девицею ты?
Сколько радостных дней и счастливых
Мы вместе с тобой провели!
Бывали иной раз и распри, и ссоры,
Любя, забывались они.
Не знаю, как помнишь ты первые встречи,
Но часто люблю вспоминать о них я.
Впервые увидев тебя, я почувствовал сердцем,
Что ты мне природой в подруги дана,
Что наши дороги где-либо сойдутся,
И будет - твоя и моя дорога одна.
В мечтаньях своих я не ошибся,
Взаимной любовью ответила ты,
И жизни наши в едино слилися,
И общими стали мечты.
Познали мы вместе все радости жизни
И счастье взаимной любви.

Строки из стихотворения «Сыну Косте на память»:

Порой от горя и тоски из глаз слеза горячая катится
И словно капелька дождя на лист письма она ложится,

Расплывшись пятном. Но я опять скажу Вам смело,
Что наказан не за дело!
Злой судьбе не сдамся в руки,
Мне свобода дорога!
Я в неволе терплю муки,
Но тверд мой дух и мысль крепка!
24. 07. 1933 г.

А эти слова, обращенные к младшей дочери Нине, написаны
26.10.1934г.

Грустно, Ниночка, грустно
Быть вдалеке от детей.
На сердце, как осенью, пусто
И нет больше радостных дней.

Заявление наркому Бубнову, написанное детьми, помогло Ивану Николаевичу. В мае 1935 года он был досрочно освобожден без права проживания в Ленинграде и направлен в г. Щербаково (ныне Рыбинск) Ярославской области, где поселился в селе Никольское у Клавдии Ивановны Мордвиновой. Иван Николаевич написал жене, что приняли его, как своего сына, что он прописался, получил документы и устроился на работу слесарем в ре-монтно-тракторные мастерские г. Щербаково. К работе, как всегда, он относился творчески, и здесь, в областном Обществе изобретателей, было принято несколько его рацпредложений.

Ольга Арсеньевна часто ездила к мужу, и ему иногда удавалось на праздники навестить детей. Строки, написанные в Никольском 15 августа 1935 г., говорят о той тоске, которую испытывал Иван Николаевич по прошедшим дням, по родным местам, по своей любви.

Туда, где хладных вод волна
Песчаный берег обмывает,
Туда, где моря синева
С глазурью неба грань сливает,
Туда, где шепотливая листва
В прохладе нежной нас пленила,
Туда, где каждый кустик дорог был,
Куда меня влекло, куда манило!
Где солнца гаснувший закат
Пурпуром отблеск моря красит,
Где золотистый свет денницы
Зари вечерней отблеск гасит,
Где море бурное порой шумит,
Кидает волны пеновые,
Где берега, обмытые волной,
Свидетели грозы немые.
Туда, где молодость моя
Когда-то с другом проходила!
Туда, где Лелечка, дружок,
Меня улыбкою пленила!
Туда, где сердцу молодому
Был дан ответный зов,
Туда влечет меня неведомая сила,
И передать ее волненья не нахожу я слов.

А вот еще одно письмо из далекого Никольского от 12 декабря 1935 г.:

Тебя, как друга, уважаю,
Милей тебя на свете нет!
Я без тебя, мой друг, страдаю,

И в этот миг противен свет.
Любви границ к тебе не знаю
И счастлив я, как муж, отец.
Живя с тобой, душой я отдыхаю
И не ропщу, что жизни тягостен венец.
Любовь окрасила невзгоды.
Подруги сердце – верный зов –
Рассеет жизни непогоды
И вновь взволнует нашу кровь.
И счастья полные минуты
Отрадно будет вспоминать.
Они не могут быть забыты,
Их надо сердцем осознать.

В июле 1937 года Ольга Арсеньевна в очередной раз собралась к мужу, но ей не удалось взять билеты на 25 число. Выехала она на следующий день и ровно на день опоздала: 27 июля Ивана Николаевича Малыгина вновь арестовали. Прокатилась новая волна арестов, под которую, в первую очередь, попали те, кто уже был судим. На этот раз Ивану Николаевичу дали 10 лет без права переписки, что означало в те годы – расстрел Жене так и не удалось увидеться с мужем. Следователь, ведший дело «врага народа», оказался человеком и посоветовал Ольге Арсеньевне немедленно возвращаться домой и никому не говорить о своей поездке.

С тех пор связь с Иваном Николаевичем была потеряна и точных сведений о его дальнейшей судьбе нет. В 1956 году семья получила документы о реабилитации отца, в которых говорилось, что он умер 20 августа 1943г. от атеросклероза. Дети приняли эту версию смерти, хотя было много неясностей и противоречивых свидетельств, но не было душевных сил добиваться расследования.

С повторным арестом отца начались новые страдания семьи. Следователь из Рыбинска, с пониманием отнесшийся к Ольге Арсеньевне, порекомендовал ей сменить место жительства, т. к. семью могли по приказу выселить из Ленинграда, что еще больше осложнило бы их положение.

Лидии с новым арестом отца пришлось поменять место работы, она уже с 1936 года замужем за Носковым Николаем Константиновичем и жила своей отдельной семьей в комнате на Лесном пр., которую получил ее будущий муж, работая в проектно-отделе института ЦНИЛАШ.

Константин продолжал учиться на втором курсе Электро-технического института им. Ульянова (Ленина). Ему пришлось перебраться жить к бабушке Анфисе Константиновне в Разлив, которая жила там со своей дочерью Лидией и внучкой от Антонины - Верой. Вторая дочь - Серафима, находившаяся с 1936 года во втором браке с Носковым Дмитрием Константиновичем (братом Николая Константновича), жила в это время с мужем и сыном от первого брака Евгением в городе.

А Ольге Арсеньевне с дочерью Ниной, которой должно было исполниться 16 лет, необходимо было покинуть С_естрорецк, чтобы получить дочери паспорт без особых отметок. В августе 1937 года, продав все, что было возможно, они уезжают в г. Ковров Владимирской области, где жила сестра Анфисы Константиновны - Дуня. В больших лишениях они прожили там зиму, скучая по родным. А летом приехала погостить Серафима Арсеньевна со своей семьей и уговорила сестру вернуться. Рано повзрослевшая Нина предложила разумный вариант: ей поступить в Ленинградский техникум, как иногородней, а матери перебраться к дочери Лидии, где ее могли бы прописать. Осенью 1938 года Нина, поступив в Ленинградский Архитектурно-строительный техникум, получила место в общежитии, а Ольга Арсеньевна стала жить в семье старшей дочери.

Этой же осенью Константина отчисляют из Электро-технического института, где открылась военная кафедра, как сына врага народа. Ни в какой другой технической ВУЗ его не принимают, удастся поступить только в

Топографический техникум на четвертый курс, сдав все экзамены за третий. По-прежнему он продолжает жить у бабушки Анфисы, скрывая от всех, что больше не учится в институте.

В свободное время вся семья собиралась в небольшой комнате на Лесном, где жила мать Ольга Арсеньевна с дочерью и ее мужем. Муж Лидии, Николай Константинович - из старой фамилии уральских купцов Носковых, приехал в Ленинград в конце 20-х годов вместе с матерью и братьями. Они были в родстве с мужем Марии Арсеньевны, Селезевым Александром Михайловичем. Всей семье пришлось покинуть Урал, чтобы избежать гонения со стороны Советской власти.